

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

Люди в Москве
стали ловкими и хитрыми

Вот клуб - 1999 -
докл. - 45.

Новелла МАТВЕЕВА:

ВРЕМЯ К ПЕСНЯМ НЕ РАСПОЛАГАЕТ

В октябре этого года у Новеллы Матвеевой полукруглый юбилей, которого она, впрочем, не отмечает точно так же, как и вообще старается не замечать памятных дат. Это, кажется, самая плодотворная позиция для художника. Так что наша беседа с ней ни с какими "датскими" соображениями не связана. Скорее уж поводом для разговора способны послужить три одновременно вышедшие у Матвеевой книжки. За предыдущие десять лет не было ни одной, если не считать крошечного сборника стихов и песен "Менуэт". За один этот год вышли: сборник драматургии и прозы "Кассета снов" (и прилагающаяся к нему кассета песен), большой сборник старых и новых стихотворений "Пастушеский дневник" (в издательстве "Вагант") и давно задуманное собрание сонетов, изданное в Петербурге. Одновременно журнал "Знамя" продолжает публикацию мемуарной книги Новеллы Матвеевой "Мяч, оставшийся в небе".

Одну из претензий я угадала заранее: в пьесе явно недоставало эротики. Эротика была и тогда непременным компонентом успеха. В результате я придумала лошадь, которую периодически без всякой связи с происходящим проводят по сцене. В конце, когда раскрывались главные тайны трактира, один из героев спрашивал: а что это за лошадь? И получал ответ от главного персонажа, Скита: «В нашей пьесе совсем нет эротики. Так вот: это — ее заместитель».

Кого-то смущали размеры пьесы: сама я задумывала ее на два вечера, но шла на сокращения, будучи автором покладистым и доверчивым. Вскоре, однако, выяснилось, что нужна в новом театре и новых пьесах каким-то странным образом меня не касается: новый театр, может, и нужен, но — не мой. Так "Трактир" переместился в стол. С публикацией его после 68-го года тоже ничего не вышло (тогда почти все мои публикации, после подписания нескольких правозащитных писем, приостановились), и напечатали эту вещь только сейчас. Несколько сцен из него поставлены молодыми артистами и показываются

на моих вечерах.

— «Кассета снов», я знаю, иллюстрирована вашими рисунками — столь же странными, сколь и талантливыми. Вы и сейчас рисуете?

— Нет, я не рисую с детства, с тех самых пор, как мне сказали, что свет у меня падает не так и пропорции не соблюдены. В детстве на такие замечания еще обращаешь внимание, — у меня сразу пропала вся охота рисовать. Я и теперь не думаю, что эти картины представляют какую-то собственно художественную ценность. Просто они помогают представить тот мир, в котором происходит действие пьесы и первых моих песен.

— Мне показалось, что в "Пастушеском дневнике" появилось какое-то новое качество. Или оно стало заметнее на фоне прежних стихов, тоже публикуемых впервые, — таких оказалось поразительно много. По-моему, после довольно мрачного периода восьмидесятых-девяностых у вас появились изящные и праздничные вещи типа "Пумперникеля и Никербокера", замечательные пейзажные стихи...

— "Пумперникель с Никербокером" мне нравятся самой, они написаны были в каком-то внезапном озарении счастья, просвете, — когда я думала, что потеряла одну очень важную тетрадь из своего архива, без которой вся моя работа могла сильно затормозиться, — и вдруг она нашлась, и я очень быстро написала это стихотворение. Такие вещи обычно и дороги. Вообще не бывает, чтобы человек любил все свои стихи. Я больше всего люблю песни, — и лучше всего себя чувствую, когда их пою, хотя возможностей таких у меня мало и концерты редки. Песни и сочинялись в мечтательном, беззаботном настроении, которое бывало часто и находило внезапно. Например, я на Высших литературных курсах готовилась к экзаменам по какой-то из так называемых "общественных дисциплин", огромный объем материала, я беспрерывно зубрю ("Лень твоя тебя, о Катулл, погубит!" — висело у меня над столом)... и именно в эти дни, а насколько помню, и в один день, я сочинила "Какой большой ветер" и "Кораблик". Вот такое "филоновство внутри трудолюбия" и способ-

ствует сочинению наиболее любимых вещей.

— Новых песен не пишете?

— Время к песням не располагает, я только изредка поправляю старые вещи или возвращаюсь к наброскам. Сочиняла я всегда примерно одним и тем же способом: сначала являлась музыка, — этим я, кажется, отличаюсь от большинства покоящихся поэтов, — потом эта музыка вызвала картину, а уже картину я чаще всего знала, как записать словами.

— Мы встречаемся с вами в довольно страшное время очередных "чисток" Москвы. Кто-то говорит, что чистки эти необходимы, кто-то — что они противоречат правам человека. Что скажете вы?

— Я скажу то же, что и всегда: ни один народ нельзя ни в чем обвинять целиком, огульно и поголовно. Я знаю, что такое высылка целого народа, потому что мой муж, поэт Иван Киуру, сам был жертвой такой высылки в тридцать девятом, когда переселяли финнов, и он, пятилетний, хорошо запомнил это. Никогда не принимала и не приму обвинения в адрес всех русских, всех евреев, всех чеченцев, всех армян.

— Как по-вашему, двадцатый век что-нибудь в мире изменил к лучшему?

— Сильно сомневаюсь, чтобы век, донельзя распустивший человека и донельзя загрязнивший среду его обитания, мог что-нибудь изменить к лучшему. Разве что в смысле знания бездн, в смысле догадок и о таких страшных возможностях развития... Но чего мы не знали прежде? Я не люблю цитировать себя, — "но чтоб до истин этих доискаться, не надо в преисподнюю спускаться".

— А в способности литературы влиять на умы вы не разуварились?

— Я никогда не была столь самонадеянна, чтобы "влиять на умы". Ставить себе целью исправление нравов — задача для титанов, да и титаны, думаю, все-таки слушались какого-то иного зова. Стихи могут скорее утешить, внушить мысль о возможности жизни, — и для этого, я думаю, им и стоит быть яркими, праздничными, по возможности счастливыми.

Встречался
Дмитрий БЫКОВ

— Новелла Николаевна, ваши пьесы никогда прежде не публиковались, в том числе и "Трактир "Четвереньки" — едва ли не самое интересное из всего вами написанного. Это была ваша личная воля — выдерживание в столе пьесы, написанной в 1968 году?

— Думаю, большинство разговоров о "причудах" поэтов — плод вымысла как раз тех людей, которые делают их жизнь невыносимой. Поэта не пускают к читателю — и порождают миф о том, что он замкнут и прячется. Поэту не позволяют печататься — и распускают слух о его творческом кризисе. Но даже после всех разговоров о бесчисленных причудах и странностях моего характера трудно, согласитесь, поверить, что автор, закончив не худшее свое сочинение, упорно держит его в столе и никому не дает ознакомиться. Напротив, во времена "Трактира" ошибка моя — была в том, что пьесу читали слишком многие и растаскивали по собственным произведениям решительно все, кому не лень. А началась эта история очень давно, когда — еще живя на Чкаловской и пася коров в подсобном хозяйстве детдома, — я стала сочинять роман "Союз Действительных".

— Я читал о вашем первом романе "Черный Боб"...

— "Черный Боб" никогда не обрел письменного вида и существовал в устной, скальдовской традиции, поскольку автору было четырнадцать лет. А "Союз Действительных", который сначала тоже сочинялся устно, скоро стал переходить на бумагу. Первые его главы я показывала отцу лет в восемнадцать. Постепенно роман разросся в сказочную трилогию. "Трактир "Четвереньки" — сценическая версия первой его части, и то неполная. Вообще "Союз" — огромная книга, вчерне законченная к 1972 году. И хотя из него до сих пор не опубликовано ни строчки, я считаю его главной своей работой, лучшим, что я сделала на свете.

— Были попытки поставить «Трактир»?

— Пьеса нравилась нескольким режиссерам, и дело доходило даже до репетиций, но всякий раз возникали неожиданные претензии, требовались разнообразные переделки.